ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915
9—10

стр.

5. Письмо **А. С. Хомякова** къ графинѣ **А. Д. Блудовой**.
8. Къ исторіи изученія Писцовыхъ Книгъ. Письмо П. И. Бѣлецкаго къ Я. И. Бередникову. Съ предисловіемъ **И. П. Мордвинова**.
18. Нравоученія войны. **Барона де Бая**.
44. Головино. **М. Мариной**.
55. Изъ Архива П. А. Чаева. Письма **М. И. Писарева**. Письма **И. С. Аксакова**. Съ примѣчаніями **Д. Д. Языкова**.
65. Къ исторіи переселенія Красноуфимскихъ казаковъ на Новолецкую линію. Сообщ. свящ. **Н. Н. Модестовъ**.
81. Переписка К. П. Побѣдоносцева съ архіепископомъ Никаноромъ. Сообщ. **Прот. Сергій Петровскій**.
109. Проѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Михаила и Николая Николаевича чрезъ Мологу. Изъ Архива Мусиныхъ-Пушкиныхъ Сообщ. **В. Ю. Мусинъ-Пушкинъ**.
111. Письма Капитанъ-Лейтенанта **П. Воеводскаго** къ **А. П. Зонтагъ**. Сообщ. **М. В. Безръ**.
134. Крѣпостные акты, относящіеся къ Кн. А. И. Черкаскому и Гр. П. Б. Шереметеву и письма управителей и дѣльцовъ къ Гр. П. Б. и Графинѣ В. А. Шереметевымъ. Сооб. **Г. С. Ш**.
146. Къ матеріаламъ для исторіи старообрядчества въ девятнадцатомъ столѣтіи. Исторія о новооткрывшейся Бѣлокриницкой Митрополіи; соч. еп. Ануфрія. Сообщ. **П. Власовъ**.
154. Два своеручныхъ доклада К. Леонтьева въ Московскій Цензурный Комитетъ. Сооб. **Евгеній Никитинъ**.
157. Заботы Цесаревича Александра Александровича о перевооруженіи русской арміи и о помощи голодающимъ въ 67-мъ году. **Е. Каменскаго**.
181. Изъ Исторіи Оружейной Палаты. **Н. Г. Высоцкаго**.

Внутри обложки отзывы о книгахъ:
Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода. Томъ XXXII.—Въ германскомъ плѣну. Записи сестеръ милосердія Е. Ч. и Н. К.—Проф. Н. В. Покровскій. Церковная археологія въ связи съ исторіею христіанскаго искусства.—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.—П. Ровинскій. Томъ III.—Святая Русь и Италія у мироточивой гробницы Святителя Николая Мирликійскаго въ Баръ-градѣ. Проф. А. Дмитріевскій и В. Юшмановъ.—С. Любимовъ. Опытъ историческихъ родословій. Гундуровы, Жижемскіе, Неевицкіе, Сибирскіе, Зотовы и Остерманы.

Принимается подписка на 1916 годъ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1915.

ГОЛОВИНО.

Что это все—я не могу не помнить,
И было дорого такъ сердцу моему!

Шекспиръ (Макбетъ).

Вблизи Петровско-Разумовскаго,[1]) по сосѣдству съ извѣстной суконной фабрикой наслѣдниковъ Іокишъ, гдѣ въ настоящее время за высокой каменной оградой высится пятиглавый, трехъ-придѣльный храмъ женскаго Головинскаго (во имя Казанской Божіей Матери) монастыря—была въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка усадьба М. И. и В. И. Головиныхъ.

Много свѣтлыхъ, отрадныхъ воспоминаній счастливаго, ранняго дѣтства связано съ пребываніемъ подъ гостепріимнымъ кровомъ этой старой дворянской усадьбы со всей ея необычной обстановкой: небольшой домовой деревянной церковью (теремомъ), маленькой монашеской общиной, часовенкой въ память пр. Сергія Радонежскаго въ глубинѣ стараго тѣнистаго парка, а въ особенности какимъ то исключительнымъ жизненнымъ строемъ, въ которомъ было столько особеннаго, своеобразнаго, мистическаго, отдалившаго его отъ настоящей дѣйствительной жизни не только на нѣсколько десятковъ лѣтъ, но какъ бы на цѣлое столѣтіе.

И когда въ моей памяти возникаетъ представленіе объ этой усадьбѣ, съ ея старинной стильной обстановкой зажиточнаго дворянскаго дома, съ ея флигелями, многочисленными надворными построй-

[1]) Въ 4-хъ верстахъ отъ села Всѣхсвятскаго, въ 7 верстахъ отъ станціи Химокъ, въ 2-хъ отъ полустанка Ховрина, Николаевской ж. дороги.

ками, маленькой оранжереей примыкавшей къ обширному парку, съ аллеями старыхъ вѣковыхъ липъ,[1]) прудомъ, за которымъ въ небольшой рощицѣ находилась, скрытая высокимъ заборомъ, маленькая келейка какого то затворника,[2]) то передо мной изъ мрака прошлаго встаютъ, какъ живые, образы владѣльцевъ Головина. И мнѣ съ особенною ясностью представляется небольшая плотная, коренастая фигура отставного поручика Гусарскаго Изюмскаго полка М. И. Головина. Мягкій, добродушный необыкновенно подвижной для своего возраста[3]), онъ представлялъ собой типъ барина москвича, старожила, состоявшаго въ родствѣ[4]) съ старинными дворянскими семьями и детально знакомаго съ ихъ родословными. Онъ носилъ сюртукъ темнокоричневаго сукна, очень высокій прямой воротникъ, и завязывалъ на шеѣ, большимъ бантомъ, шелковую черную косынку, замѣняя только историческій 50-хъ годовъ узкій высокій цилиндръ[5]) суконной фуражкой съ большимъ козырькомъ. Онъ былъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, gentlem'en въ полномъ смыслѣ слова—cavalier servaut въ отношеніи къ дамамъ всѣхъ возрастовъ, отлично говорилъ по французски и любилъ въ обращеніи къ женѣ, падчерицѣ и роднымъ употреблять привѣтливое „ma bonne amie“.

Совершенный контрастъ своему мужу представляла энергичная, рѣшительная, властная В. И., сохранившая, несмотря на свою полноту, слѣды прежней красоты, доставлявшей ей, великосвѣтской женщинѣ, большой успѣхъ въ аристократическихъ кругахъ Москвы 50-хъ годовъ. Урожденная Баратынская, состоявшая не помню уже въ какомъ родствѣ съ поэтомъ лирикомъ, она послѣ смерти перваго мужа своего Н. А. Батюшкова осталась молодой вдовой съ единственной малолѣтней дочерью[6]).

Благочестивая, религіозная, склонная къ мистицизму, она вела очень замкнутую жизнь; строго соблюдала посты, посѣщала мона-

---

[1]) шириной напоминающихъ аллеи Петроградскаго Лѣтняго сада.

[2]) Странникъ юродивый крестьянинъ Иродіонъ Ивановичъ Гулинъ, побывавшій въ Палестинѣ, принявшій монашество подъ именемъ Михаила, посѣтивъ въ 1869 г. благочестивую помѣщицу В. П. Головину, просилъ пріютить 2-хъ духовныхъ сестеръ. Для него была выстроена въ рощѣ келія, въ которой находилась художественная икона Казанской Божіей Матери, работы академика Васильева.

[3]) Ему было тогда болѣе 60-ти лѣтъ.

[4]) Временъ Жуковскаго, Пушкина и др.

[5]) Изъ родныхъ М. И. знакома была я только съ племянникомъ его, сыномъ С. И.—Евг. Сер. Головинымъ, женатомъ на Люб. Вал. Карновичъ, старшей сестрѣ супруги Великаго Князя Павла Александровича О. В., по первому мужу Пистолькорсъ.

[6]) С. Н., женой дяди Ген.—Адъют. П. Н. Слѣпцова.

стыри, совершала частыя паломничества къ старцу Варнавѣ въ Троицко-Сергіевскую Лавру, отцу Амвросію въ Оптину пустынь и пр., и вела дѣятельную переписку съ высшими духовными лицами.

Любя благотворить втайнѣ, она давала у себя пріютъ сирымъ и убогимъ и раздавала щедро милостыню. Выйдя вторично замужъ за М. И. Головина, она, поселившись въ его домѣ,[1]) предоставила подвальный этажъ въ распоряженіе дворника Тихона для помѣщенія странниковъ.

Всѣ заботы ея были сосредоточены на воспитаніи единственной дочери, которую отчимъ любилъ какъ свою родную. Кромѣ опытной воспитательницы, при ней находились сестры послѣдней, которыя были ея сверстницами, ровесницами по возрасту, проходили вмѣстѣ курсъ наукъ, для преподаванія которыхъ были приглашены хорошіе учителя.

Религіозное настроеніе В. И. передалось ея не по годамъ серіозной развитой дочери. Она привыкла къ посѣщенію храмовъ и монастырей, соблюденію постовъ, обществу духовныхъ лицъ, разсказамъ странницъ и богомолокъ.

Для ея помѣщенія въ Головинѣ было построено отдѣльное зданіе, (теремъ) верхній этажъ котораго былъ обращенъ въ церковь, а низъ занятъ келіями, послужившими основаніемъ той монашеской общины, вступить въ которую ей не было суждено. Случайная встрѣча въ Москвѣ съ ген.—м. П. Н. С-ымъ измѣнила всѣ планы В. И. Дочь ее вышла замужъ, была представлена ко двору и, совершивъ свадебное путешествіе по Европѣ, попала въ водоворотъ шумной столичной жизни[2]).

Но не забыта была ею и Головинская мирная община. Ежегодно лѣтомъ она проводила нѣсколько мѣсяцевъ въ простой, патріархальной, симпатичной, близкой ея сердцу обстановкѣ.

На ряду съ владѣльцами описанной усадьбы въ памяти моей возникаетъ воспоминаніе о цѣломъ сонмѣ видѣнныхъ мною тамъ же: старцевъ, юродивыхъ, странницъ, черничекъ, богомолокъ, исходившихъ изъ конца въ конецъ, съ котомкой, обширную Матушку—Русь. Всѣ

---

[1]) На Покровкѣ въ большомъ Успенскомъ переулкѣ, рядомъ съ такимъ же домомъ С. И. Головина.

[2]) Изъ воспоминаній о Царскомъ Селѣ (*Русская Старина* 1911 года).

они были какіе то особенные, или казались мнѣ такими, потому что я видѣла ихъ не издали, не мелькомъ, не случайно, а близко, продолжительно въ особенныхъ исключительныхъ условіяхъ. Въ Головино всѣ они заходили мимоходомъ; по пути въ Новый Іерусалимъ, къ Сергію въ Троицу, Саввѣ Звенигородскому. Главнымъ образомъ собирались они въ особнякѣ на Покровкѣ, тамъ всегда находили они пріютъ и пропитаніе. Въ лѣтніе мѣсяцы, за отсутствіемъ хозяевъ, радушно принималъ ихъ почтенный, благочестивый, престарѣлый Тихонъ, питавшій, подобно своимъ господамъ, особенное расположеніе ко всѣмъ этимъ „*Божіимъ людямъ*“ за то угодное Богу подвижничество, которое имѣло большую цѣну въ глазахъ набожнаго, богобоязненнаго старца. Изъ числа этихъ Божіихъ людей болѣе всего запомнила я фигуру прозорливаго, юродиваго старца Серафима,[1]) пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ какъ Головиныхъ, такъ и духовныхъ сестеръ общины. Онъ былъ суровъ, угрюмъ, говорилъ иносказательно, отрывисто низко опустивъ голову, не глядя на того, къ кому обращалъ свою рѣчь. Я подошла къ его благословенью, вмѣстѣ съ старшими, онъ не смотрѣлъ на насъ, вошедшихъ въ келью, благословлялъ машинально и что-то невнятно полушепотомъ произносилъ онъ.

Ясно, какъ сейчасъ, представляется мнѣ, тотъ чудный весенній день (въ Маѣ 1872 г.), когда сестра и я съ дѣтьми впервые прибыли въ Головино съ С. Н. С.

На станцію Химки для встрѣчи дочери была выслана В. И. карета, на сидѣньѣ которой былъ положенъ красивый букетъ съ запиской—привѣтствіемъ.

Помнится мнѣ, что мы на крыльцѣ были встрѣчены владѣльцами Головина и что тетя, тогда молодая, обаятельная, указывая на насъ сказала: „Се азъ и дѣти, яже даде мнѣ Богъ“.

Къ вечеру прибыла изъ Москвы мать наша съ младшими дѣтьми няней и кормилицей.

Въ распоряженіе нашей семьи былъ предоставленъ, соединявшійся крытой террасой съ большимъ домомъ, длинный, деревянный одноэтажный флигель.

[1]) Онъ былъ іеродіакономъ Московскаго Даниловскаго монастыря, пользовался большой популярностью и уваженіемъ среди богатаго московскаго купечества. Онъ покровительствовалъ сестрамъ Головинской общины, предсказывалъ, что здѣсь у Царицы Небесной будетъ монастырь и расположилъ купца Н. И. Сидорова къ покупкѣ земли 8 десятинъ, постройкѣ богадѣльни, впослѣдствіи храма.

Прежними владѣльцами Головина въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія помѣщеніе это было исключительно предназначено для торжествъ и баловъ.

Передній фасадъ его, выходившій въ цвѣтникъ, съ окнами въ видѣ дверей, съ террасой во всю его длину, служившей танцовальнымъ заломъ. Маленькія, внутреннія комнаты выходили на заросшій густой травой, обширный дворъ.

Въ одноэтажномъ со стороны цвѣтника, двухъэтажномъ со двора, Головинскомъ домѣ особенно памятна мнѣ большая комната съ аркой, служившая одновременно гостинной и заломъ съ красивой стильной, краснаго дерева мебелью, высокими зеркалами. Она представляется мнѣ въ жаркій лѣтній день—при опущенныхъ маркизахъ—съ блестящимъ какъ зеркало узорчатымъ паркетомъ.

Рядомъ въ столовой, въ правомъ углу помѣщалась икона Спаса Нерукотвореннаго: фамильный образъ семьи Головиныхъ. Въ слѣдующей полутемной комнатѣ возлѣ прихожей помѣщался большой старинный органъ. Въ верхнемъ этажѣ было помѣщеніе С. Н. С.

Во 2-мъ этажѣ зданія, носившаго названіе общины, помѣщалась маленькая домовая церковь.

Особенное вниманье въ ней заслуживала икона Казанской Божіей Матери.[1]) Ни одно, когда либо видѣнное мной, изображеніе Пресвятой Дѣвы Маріи съ Предвѣчнымъ Младенцемъ такъ не запечатлѣлось въ моей памяти, какъ этотъ чудный ликъ Божіей Матери, въ которомъ было что то особенное небесное, вдохновенное, неотразимое, скорбное.

Передъ этой иконой ежедневно по вечерамъ читались акаѳисты духовными сестрами общежительной обители, а въ храмѣ по воскреснымъ днямъ два раза въ мѣсяцъ священникомъ села Аксиньина отцомъ Василіемъ совершалась литургія; на клиросѣ пѣли духовныя сестры общины и онѣ же по очереди читали Апостолъ и прислуживали при богослуженіи.

Особенную привлекательность усадьбы представляетъ старинный паркъ съ аллеями[2]) вѣковыхъ липъ. Въ концѣ средней находилась въ

[1]) Иконой этой благословилъ обитель затворникъ старецъ Михаилъ. Она находилась въ его кельѣ въ рощѣ и послѣ смерти его пожертвована была домовой церкви Головиныхъ.

[2]) Такими широкими, что на нихъ свободно могли разъѣхаться двѣ кареты.

то время маленькая часовенка—келейка, посвященная памяти Преподобнаго Сергія Радонежскаго; бревенчатая, съ липовыми скамейками вдоль стѣнъ, увѣшанныхъ картинами—изображеніями различныхъ эпизодовъ изъ жизни Преподобнаго. Въ углу помѣщалась икона, передъ которой теплилась неугасимая лампада и стоялъ столъ, накрытый скатертью. Келейка эта служила любимымъ мѣстомъ отдохновенія В. И., приносившей ежедневно букетъ свѣжихъ цвѣтовъ и оставлявшей для чтенія одну изъ своихъ излюбленныхъ, духовныхъ книгъ.

Въ концѣ парка былъ маленькій прудъ, а за нимъ небольшая роща, въ глубинѣ которой, за высокимъ тесовымъ заборомъ, скрывалась келія какого то отшельника.[1]) Я случайно припоминаю разсказы о немъ, они представляются мнѣ такими нѣжными, что я не даю себѣ отчета въ томъ, существовалъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, или это была легенда, созданная пылкимъ дѣтскимъ воображеніемъ.

При входѣ въ паркъ направо находилась небольшая оранжерея. Она особенно славилась своими персиковыми деревьями, подобныхъ которымъ не было даже въ Царскосельскихъ Дворцовыхъ оранжереяхъ. Придворный садовникъ Хейдорнъ, о пріѣздѣ котораго сообщалъ дядя, былъ спеціально командированъ въ Головино за ними. Это былъ чудный сортъ совершенно зеленыхъ, крупныхъ персиковъ Венусъ, отличавшихся особеннымъ вкусомъ и ароматомъ.

Садовникъ Гаврило, жившій съ семьей при оранжереѣ, имѣлъ всегда ярко вычищенный самоваръ къ услугамъ окрестныхъ дачниковъ, прибывавшихъ цѣлыми семьями въ Головинскій паркъ съ корзинами, запасами всякой снѣди, чтобы, расположившись на лужайкѣ подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, пить чай „ins grün“.

Въ одноэтажномъ зданіи, примыкавшемъ къ храму, помѣщались келіи духовныхъ сестеръ маленькой общины. Мнѣ припоминается тѣсная, вся завѣшанная картинами духовнаго содержанія и иконами, келія сподобившейся побывать въ Старомъ Іерусалимѣ у Живоноснаго Гроба Господня маленькой, худощавой подвижной старшей изъ сестеръ, которую почему то никто не называлъ Матушкой Маріей, а Маріей Михайловной. Она и крестьянка Екатерина Стрѣльникова,

[1]) Иродіона Гулина, въ монашествѣ Михаила, о жизни котораго я узнала изъ книги описанія Головинскаго монастыря, по случаю исполнившагося въ 1911-мъ году 25-ти лѣтія его существованія.

прибывшая съ нею въ Головино,[1]) были какъ бы основательницами монашескаго общежитія. Помню я еще кромѣ нихъ Дуняшу большую, Дуняшу малую, Полю. Всѣ онѣ носили черныя юбки, люстриновыя черныя кофты и повязывали голову кашемировыми или бумажными черными платками, замѣняя ихъ на работахъ въ саду, въ огородѣ, на лугу при уборкѣ сѣна ситцевыми, бѣлыми.

Дни онѣ проводили въ трудахъ и работѣ, а по вечерамъ по очереди читали въ маленькой церковкѣ акаѳисты „Пресвятой Богородицѣ“ и „Іисусу Сладчайшему“.

Онѣ же заботились о порядкѣ и благолѣпіи храма, шили облаченія на другіе храмы.

Хозяйственныя заботы по дому и усадьбѣ были возложены на общую любимицу—экономку Дуняшу. Небольшаго роста, румяная, живая, она своей привѣтливостью заслуживала общее расположеніе и въ качествѣ полновластной домоправительницы пользовалась безграничнымъ довѣріемъ своихъ господъ.

При тетѣ въ качествѣ компаньонки состояла Ев. Ив., особа среднихъ лѣтъ, худощавая, болѣзненная, которую я не могу себѣ представить иначе, чѣмъ въ парадной шелковой мантильѣ съ завязанной бѣлымъ платкомъ правой щекой.[2])

Была еще въ большомъ домѣ молоденькая воспитанница, сирота Вѣрочка,[3]) которая была такъ безлична, что я ее совсѣмъ мало помню.

Таковъ былъ персоналъ Головинской усадьбы. Изъ служащихъ помню я только кучера Трофима, большого резонера, солиднаго, степеннаго человѣка, и глухонѣмого Ильюшу, который находился въ распоряженіи садовника и пользовался, какъ „несчастненькій“, вниманьемъ обитателей усадьбы.

---

[1]) Въ 1869-мъ году по благословенію старца Михаила были радушно приняты В. И. Головиной, пріютившей ихъ въ деревянномъ зданіи, въ верхнемъ этажѣ котораго была въ февралѣ 1872 г. устроена маленькая, домовая церковь.

[2]) Она постоянно сопровождала тетю въ ея поѣздкахъ въ Москву, исполняя ея и В. И. порученія по части всякихъ покупокъ.

[3]) Кто была эта Вѣрочка и что сталось съ нею впослѣдствіи, я не отъ кого узнать не могла.

Жизнь въ Головинѣ подчинялась строгому режиму, по часамъ. Въ большой домъ мы аккуратно являлись къ обѣду въ 2 часа; при чемъ мы старшіе дѣти обѣдали въ столовой за большимъ столомъ съ взрослыми, а младшіе съ няней въ сосѣдней, органной.

Вечеромъ мы снова собиралась къ 9-ти часамъ въ угольной столовой и послѣ краткой молитвы садились за ужинъ, послѣ котораго всѣ расходились тотчасъ.

Все остальное время мы проводили въ своемъ флигелѣ или въ паркѣ, гдѣ встрѣчались съ М. И. и В. И., совершавшими всегда вмѣстѣ утреннюю прогулку.

На вечерній чай въ 5 ч. мы получали иногда приглашеніе къ тетѣ наверхъ, но чаще всего она сходила сама внизъ, чтобъ на дворѣ подъ окнами флигеля, за большимъ зеленымъ столомъ пить чай въ обществѣ нашей семьи, среди насъ дѣтей, боготворившихъ ее за ея ласки, привѣтъ.

Часто послѣ чая въ колескѣ или долгушкѣ предпринимались поѣздки въ Петровско-Разумовское, Петровскій паркъ, Всѣхсвятское, Аксиньино,[1]) Иванкино, Покровское[2]) и др. окрестности, но всегда къ 9-ти часамъ мы возвращались обратно, чтобъ не запоздать къ ужину и тѣмъ не нарушить заведеннаго порядка.

* * *

Только 21-го Ноября 1914 года удалось мнѣ снова посѣтить Головино.

Было туманное, пасмурное, зимнее утро. Паровикъ, отходящій отъ Савеловскаго вокзала въ 9 часовъ, черезъ $^1/_2$ часа доставилъ меня и моихъ спутницъ въ Петровско-Разумовское.

Станція трамвая находится, какъ разъ противъ Земледѣльческой академіи—новаго зданія[3]) съ часами на небольшой башенкѣ.

Тутъ же направо, каменное зданіе маленькой фермы. Въ жаркіе лѣтніе дни мы искали прохлады подъ ея сходами и какимъ то особен-

[1]) Имѣніе Графа Толстого.

[2]) Княгини Шаховской, Глѣбовой-Срѣшневой.

[3]) Старое погибло въ огнѣ. Уцѣлѣли только, я не знаю какимъ образомъ, знаменитыя выпуклыя, оконныя стекла.

нымъ вкуснымъ казалось намъ, поданное въ глиняномъ кувшинѣ, холодное, густое молоко.

Тутъ же неподалеку—старая Елисаветинскихъ временъ церковь; съ потемнѣвшей штукатуркой, на ступеняхъ которой мы въ одну чудную, лѣтнюю ночь долго безконечно сидѣли въ ожиданіи пріѣзда кучера Трофима съ долгушкой, самымъ помѣстительнымъ, удобнымъ экипажемъ для лѣтнихъ экскурсій.

Извощики, которыхъ договаривали мы къ обѣднѣ въ Головинскій монастырь, утверждали, что до Головина не $2^1/_2$ версты (какъ всегда считали мы), но почти 4, и что дорога туда плохая, такъ какъ снѣгу на шоссе „вовсе мало“ и запрашивали высокую цѣну—согласились на уступку и обратную доставку къ электрическому трамваю.

Фабрика наслѣдниковъ Іокишъ была тѣмъ же 3-хъ этажнымъ кирпичнымъ, не измѣнившимъ своего наружнаго вида, зданіемъ, какимъ я въ дѣтствѣ помнила его.

Миновавъ его, мы въѣхали въ знакомую рощу, тотъ небольшой лѣсокъ березъ, орѣшника, осины,[1]) въ которомъ находили нѣкогда такъ много грибовъ.

За ней открывалась поляна, на которой въ лѣто 1872 г. происходили большіе маневры. Командующій тогда войсками Московскаго Военнаго Округа Генералъ Гильденштуббе находился въ Головинской усадьбѣ, куда ежеминутно являлись къ нему съ донесеніями ординарцы его.

За поляной виднѣлись кирпичныя стѣны высокой монастырской ограды.

Въ большомъ 5-ти главомъ трехпрестольномъ храмѣ во имя Живоносной Троицы съ придѣлами въ честь Черниговской Божіей Матери и Св. Маріи Магдалины шла литургія. Церковь была переполнена молящимися... Торжественное праздничное богослуженіе, стройное согласное пѣніе клирошанокъ, благолѣпіе храма могли невольно располагать къ молитвѣ. Но сосредоточить ее на ней мнѣ на этотъ разъ вовсе не удалось: такъ свѣжи, такъ ясны были въ моемъ пред-

[1]) Гдѣ всегда такъ много находили мы грибовъ. Мнѣ казалось, что она осталась такою же, какою я помнила ее.

ставленіи образы минувшаго, далекаго прошлаго, воспоминанія лѣта съ его чудными, жаркими днями, красивой усадьбы съ дорогими, радушными хозяевами, съ маленькой церковкой, съ тѣнистымъ паркомъ, съ знакомыми духовными сестрами—членами монашеской общины; я съ нетерпѣніемъ ждала конца обѣдни, чтобъ вновь увидѣть знакомыя мѣста, все то, что сохранилось отъ этого далекаго прошлаго.

Подъ дорогой золоченой ризой, съ драгоцѣнными украшеніями—мнѣ трудно было узнать чудный знакомый Божественный ликъ Казанской Божіей Матери, памятный съ дѣтства. Онъ показался мнѣ потускнѣвшимъ и какъ бы измѣнившимся въ тотъ мигъ, когда я вмѣстѣ съ прочими богомольцами подходила прикладываться къ нему.

Послѣ обѣдни настоятельница, которой я послала свою карточку, какъ родственница Головиныхъ пригласила всѣхъ насъ въ свои покои.

Въ пріемной игумени, матушки Евгеніи на стѣнѣ, украшенной портретами жертвователей и благотворителей монастыря [2]), я увидѣла изображенія М. И. и В. И. Головиныхъ, основателей монашеской общины.

В. И.[3]) совсѣмъ не знала матушка Евгенія, съ М. И. видѣлась незадолго до кончины его.

Я узнала съ радостью, что въ кельѣ, подъ маленькой старой церковью во имя Спаса Нерукотвореннаго живетъ до сего времени принявшая схиму матушка Ѳеофанія, та самая М. М., которая вмѣстѣ съ Екатериной въ 1869 впервые нашли пріютъ въ Головинской усадьбѣ и были первыми духовными сестрами этой обители.

Вспомнили мы Дуняшу большую, Полю, Дуняшу малую—давно уже перешедшихъ въ иной міръ, и румяную цвѣтущую экономку Дуняшу, также окончившую жизнь здѣсь въ монастырѣ.

---

[1]) Я помню его безъ ризы, безъ украшеній; Божія Матерь изображена въ темно-пурпуровой мантіи съ небольшимъ позолоченнымъ вѣнчикомъ надъ главой.

[2]) Купца Н. И. Сидорова, купившаго для обители у С. Н. С. послѣ смерти ея матери остальныя 75 дес. земли съ лѣсомъ и постройками и построившемъ нынѣшнюю обитель. Купца Н. Н. Киселева, отстроившаго въ память жены каменный трехпрестольный храмъ во имя Живоначальной Троицы.

[3]) В. И. Головина скончалась въ 1880 г. и погребена вмѣстѣ съ недолго пережившимъ ее мужемъ въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ.

„Живъ по сіе время глухонѣмой старецъ—тотъ Ильюша, котораго Вы вѣрно знавали въ дѣтствѣ“—сказала игуменья, поручая келейницѣ проводить насъ въ келію престарѣлой матушки Ѳеофаніи. Она сидѣла въ креслѣ въ своемъ мрачномъ облаченіи, съ изображеніемъ Адамовой головы и скрещенныхъ костей, низко опустивъ голову, занятая перебираніемъ четокъ—когда я подошла къ ней подъ благословеніе. Конечно, трудно ей было узнать во мнѣ одну изъ маленькихъ дѣвочекъ племянницъ П. И., проводившихъ въ Головинѣ лѣто 1872 г. Но она обрадовалась мнѣ, какъ чему то хорошему прошлому.... Сама она мало измѣнилась. Она осталась такой же маленькой, худенькой старушкой, какою помнила я ее. Многое она забыла, потому что ей, по словамъ келейницы, безъ одного года 90 лѣтъ, помнитъ она только хорошо своихъ благодѣтелей и непрестанно молится о ихъ упокоеніи. Она благословила меня иконой Знаменія Божіей Матери и напутствовала словами: „Храни Васъ, Матерь Божія“.

Напротивъ окна ея келіи возвышается старый барскій Головинскій домъ. Я сразу узнала его. По внѣшнему виду онъ вовсе не измѣнился; онъ остался почти прежнимъ даже по окраскѣ стѣнъ.

Флигель нашъ, какъ и оранжерея вовсе не существуютъ; на мѣстѣ послѣдней возвышается двухъэтажное зданіе церковно-приходской школы. Не осталась и слѣда часовенки Сергія Преподобнаго и маленькой келіи затворника, въ рощѣ за прудомъ.

Уцѣлѣлъ паркъ съ его широкими аллеями старыхъ вѣковыхъ липъ, видъ которыхъ воскресилъ въ моей памяти столько свѣтлыхъ отрадныхъ воспоминаній счастливаго, далекаго дѣтства....

* * *

Многое измѣнилось вокругъ за истекшіе, долгіе годы, но за высокими каменными стѣнами обширной обители, съ двумя стами духовныхъ сестеръ, въ его величественномъ благолѣпномъ храмѣ по сіе время не позабыты основатели, создатели маленькой монашеской общины; имена рабовъ Божіихъ боляръ Михаила и Варвары произносятся съ благоговѣніемъ при всякомъ богослуженіи, и церковь молится объ упокоеніи душъ ихъ и о вѣчной ихъ памяти.

Какъ саваномъ бѣлоснѣжнымъ окутана земля зимнимъ покровомъ. Маленькія, рѣзвыя снѣжинки кружатся надъ лишенными листвы вѣтвями и вершинами вѣковыхъ липъ.....

Духовныя сестры обители по звону призывного колокола собрались въ трапезную, и царитъ кругомъ безмолвная, глубокая тишина.....

М. Марина.